

Семёнова Людмила Николаевна

**РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СТАНОВЛЕНИИ БРИТАНСКИХ ДОМИНИОНОВ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ**

Государственное регулирование и государственная собственность сыграли и продолжают играть важную роль в экономике Канады, Австралии, Новой Зеландии, обусловив высокий уровень их общественно-экономического развития. В данной статье анализируются некоторые концепции известных английских, американских, канадских, австралийских, новозеландских исследователей, объясняющие формирование в XIX-XX вв. столь значительного государственного сектора в тогда еще доминионах Британской империи.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/50.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. III. С. 188-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93.338(71+9)(9)

Государственное регулирование и государственная собственность сыграли и продолжают играть важную роль в экономике Канады, Австралии, Новой Зеландии, обусловив высокий уровень их общественно-экономического развития. В данной статье анализируются некоторые концепции известных английских, американских, канадских, австралийских, новозеландских исследователей, объясняющие формирование в XIX–XX вв. столь значительного государственного сектора в тогда еще доминионах Британской империи.

Ключевые слова и фразы: доминион; переселенческая колония; государственное регулирование экономики; рыночное саморегулирование; государственный сектор; частнопредпринимательская активность; государственный активизм.

Людмила Николаевна Семёнова, к.и.н., доцент

Кафедра политологии и гуманитарных дисциплин

Институт парламентаризма и предпринимательства, г. Минск

lunis17@mail.ru

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СТАНОВЛЕНИИ БРИТАНСКИХ ДОМИНИОНОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ[©]

Среди дискуссий в экономических и гуманитарных науках важное место занимает проблема роли государства в капиталистической экономике, взаимоотношений государственного и частнопредпринимательского сектора и, в более широком смысле, эволюции и взаимодействия государственного управления экономической и рыночного саморегулирования. Спектр сформированных и прошедших испытание практикой позиций располагается между двумя крайними теориями: классической либеральной и социалистической. Первая доказывает необходимость преобладания частно-рыночного начала при минимальной роли государства, вторая – государственного. Различные промежуточные концепции обосновывают необходимость их гармоничного сочетания. Для анализа современной экономики вновь востребованным оказался термин «смешанная экономика». Основой смешанной экономики ведущих стран современного мира признается многообразие форм собственности и эффективное сочетание государственного и рыночного регулирования. Как подчеркивает известный американский социолог, теоретик постиндустриализма Э. Тоффлер, разнообразие и неоднородность – вот важнейшие признаки перехода к постиндустриальному обществу [4, с. 38].

Такие высокоразвитые и благополучные страны, лидеры разнообразных рейтингов как Канада, Австралия, Новая Зеландия сформировали у себя эффективную смешанную экономику, для которой, в отличие от многих капиталистических стран Запада, и, прежде всего, США, также как и они относящихся к типу стран переселенческого капитализма, характерна высокая доля государственного сектора. Такая ситуация сложилась не в одночасье, а на протяжении всего пути развития этих стран и была обусловлена множеством факторов их истории.

В предлагаемой статье автор ставит своей *целью* освещение концепций авторитетных исследователей британских доминионов Г. Инниса, А. Лауэра, Р. Хатчинсона, У. К. Хэнкока и других по вопросу о необходимости, роли и значении государственного регулирования и государственного сектора в их экономиках. Весьма показателен сравнительный анализ степени присутствия государственного социализма в Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Данная статья является историографическим исследованием. В качестве *источников* использованы научные работы различных авторов. Они изучены на основе таких общелогических и общенаучных *методов и приемов* как: анализ, синтез, индуктивные обобщения, дедуктивные выводы.

В исследованиях капиталистической экономики отмечается разная роль государства в различные исторические периоды. Государство то приходит в экономику и активно себя в ней проявляет, то уходит, оставляя всех на произвол рынка. Хотя, следует признать, что это лишь разные формы государственного управления.

В раннее новое время в период первоначального накопления капитала (XVI–XVII вв.) и мануфактурного капитализма (XVIII в.) государство занимало важные позиции в экономике, не только создавая для нее законодательные рамки и обеспечивая рабочей силой на основе принудительного «кровавого законодательства», но и проводя меркантилистскую торговую политику, в соответствии с которой оно регулировало таможенные тарифы, обеспечивало торговые монополии и создавало необходимые предприятия за государственный счет, что было своеобразным началом государственного сектора. В эпоху индустриального рыночного капитализма (XIX в.) либеральная экономическая доктрина провозгласила экономику самодостаточной, саморегулирующейся и отвела государству лишь политическую и правовую роль ее «ночного сторожа». Основой такой экономики, безусловно, считались частная инициатива и собственность. Государственная собственность и деятельность государства в качестве экономического агента на рынке в принципе не исключались, но в рамках капитализма признавались нецелесообразными. Названные положения, соответствуя идее общественной собственности, давно входили в арсенал социалистических теорий, которые на их основе проектировали экономическую основу социализма как более прогрессивного общественного строя, антикапиталистического по своему

характеру. Любая государственная активность, выходящая за рамки предписаний либерализма, называлась социалистической, а сектора экономики с государственным бизнесом – государственным социализмом.

В промышленно развитых странах в XIX в. государственный социализм отрицался. И если на практике отдельные его элементы неплохо функционировали, то идеологически он будет признан только в первой половине XX в. серьезно эволюционировавшим новым социальным либерализмом и кейнсианством в качестве государственного сектора смешанной экономики. А в XIX в. успехи экономического развития, как правило, ассоциировались с частной собственностью и частно-предпринимательской инициативой. Ярким примером такого развития служили США. В этой связи небезынтересна точка зрения экономиста М. Голанского, который считает, что «частная собственность – признак нетерпимости и развития, общественная собственность – признак терпимости и застоя. Переход к общественной собственности означает собой конец экономического саморазвития общества, прекращение расширения искусственной емкости среды обитания человека» [1, с. 10, 13]. По его мнению, капитализм уйдет со сцены естественным путем в связи с экологическим кризисом на рубеже XX–XXI вв.

В XIX в. индустриальный капитализм был на подъеме. Более того, расширялась среда его обитания, о чем свидетельствовала активная колониальная политика ведущих держав мира, в том числе, освоение переселенческих колоний, прежде всего, доминионов Британской империи – Канады, Австралии, Новой Зеландии. Следуя представленной логике, двигателем быстрого экономического развития доминионов, как и США, должны были быть частное предпринимательство и собственность. Но, вместе с тем, экономику доминионов отличало наличие большой доли государственной собственности и государственного активизма в целом. Это была новая своеобразная черта в развитии, рассматриваемая как часть социально-экономического эксперимента. Наличие сильного всепроникающего государства действительно резко отличало доминионы от европейских стран и США. Однако ничего удивительного в этом не было. История доминионов подтверждает основополагающую идею выдающихся ученых современности Ф. Броделя и И. Валлерстайна о преимущественно государственных проявлениях капитализма, о мощи только того капитала, который слился с государством и отождествил себя с ним, о сильных государствах центра капиталистической миросистемы, задающих тон мировому развитию. Именно государства, всячески поддерживающие капитал, а таковыми оказывались европейские государства центра миросистемы, побеждали в колониальных войнах, превращая страны периферии в свои колонии. Именно государственная политика метрополии, поддерживающая молодые государства переселенческих колоний, становились залогом успеха в их освоении. Одна лишь частная инициатива без государственной поддержки была бессильна. Также история доминионов подтверждает современную теорию политогенеза, во всех организованных процессах развития отдающую приоритет политической власти государства в качестве оптимального управляющего начала в рамках самоорганизации общества. На это обращали внимание многие авторы, изучавшие историю и экономику британских доминионов.

Еще в начале XIX в. небезызвестный английский политик Э. Г. Уэкфилд, разработавший теорию «систематической колонизации» для освоения Австралии и Новой Зеландии, говорил, что новые страны требуют «достаточного правительства» (ample government) [6, p. 69].

Три доминиона представляли собой разные примеры присутствия государственного социализма: в Канаде оно было наименьшим, в Австралии – средним, в Новой Зеландии – максимальным. Канадские историки – исследователи Канады – всегда подчеркивали значительную роль государства в ее развитии. Р. Кук писал, что «для канадцев роль пограничных земель рассматривалась как образ действий центральной власти, в результате которого достигалось включение новых территорий в существующую систему» [2, с. 7]. Эту же тему развивал М. Кросс: «Из-за громадных географических размеров и трудностей американский образец самостоятельного аграрного поселения на первых порах редко когда был возможен. Сначала надо было освоить пространство, обеспечить транспорт, связь и рынок. Таким образом, схема освоения большей части страны была довольно однотипной: сначала появлялись пионеры, занимавшиеся предпринимательской деятельностью и часто менявшие место своего пребывания; затем государство занималось организацией территории, помогало развитию транспорта; в конце приходил постоянный, как правило, сельскохозяйственный поселенец. Подобная схема действовала в эпоху меховой торговли, в период лесоразработок, а затем во время развития железных дорог, горнодобывающей и нефтяной промышленности» [Там же, с. 6–7]. А. Лауэр считал, что «доминион Канада представлял собой плановое общество. В нем никогда не было негативного государства типа *laissez-faire*, основанного на индивидуалистических доктринах, его государство с самого начала было позитивным, полу-социалистическим» [10, p. 379]. Роль государства в Канаде можно подчеркнуть даже таким фактом: если любимым народным героем американцев был ковбой, то своеобразным канадским символом стал королевский конный полицейский – представитель государства, гарант законности и порядка. Итак, государственная собственность и государственная активность были, пользуясь выражением известного канадского экономиста Г. Инниса, важной частью канадского экономического пейзажа [8, p. 78].

«Отец австралийской историографии» Уильям Кит Хэнкок попыток и развил традицию характеризовать большую роль австралийского государства в терминах «экспериментальный социализм австралийской демократии», «австралийский социализм», «социализм без доктрины», «государственный социализм». Он писал, что «австралийская демократия стала рассматривать государство в качестве широкомасштабного предприятия общественного пользования, чья обязанность состоит в обеспечении величайшего счастья для большого количества людей». «По мнению австралийца, государство является не более чем коллективной властью для обслуживания индивидуальных прав». В Австралии не сложилось характерного для либерализма противопоставления между личностью и государством. Анализируя государственный социализм, Хэнкок отмечал: «Государственная

собственность и управление экономическими ресурсами может быть предпочтительнее частной собственности и управления по двум причинам: во-первых, государство, будучи более сильным, чем отдельный человек или группа, может эксплуатировать и управлять этими ресурсами более эффективно; во-вторых, от государства, которое является инструментом независимых индивидов, можно ожидать, что оно будет направлять свою власть на общественное благосостояние, тогда как человек или корпорация, располагая такой же властью, скорее направят ее на собственные цели, не соответствующие общественным» [6, р. 72, 73, 128].

Бесспорной страной государственного социализма была признана Новая Зеландия. Одними из первых такую оценку дали ей теоретики английского фабианского социализма С. и Б. Вебб. Американский исследователь Роберт Хатчинсон определил роль государства еще проще: «Социализм в Новой Зеландии». Так он назвал свою книгу, опубликованную в 1916 г. Хатчинсон писал: «Новая Зеландия - лучшее место для изучения государственного социализма потому, что там его больше, чем в каком-либо другом месте мира... Но мы можем понять людей, пишущих и о капитализме в Новой Зеландии потому, что там также есть и капитализм». «Государственный социализм - это цель, к которой прогрессирует капитализм». Это феномен, находящийся в становлении, но не ставший чем-то завершенным [7, р. V, VII]. Остроумный английский драматург и фабианец Дж. Б. Шоу после посещения Новой Зеландии в 1934 г. вообще назвал ее «коммунистической» [3, с. 158].

Столь красочные оценки имели под собой серьезные основания. Почему общества доминионов, в отличие от других стран, нуждались в столь сильном государстве и безоговорочно принимали его многочисленные функции и огромные полномочия? Как говорили современники, если среднестатистический европейский или североамериканский либерал того времени свято верил в классический либеральный принцип «пожалуйста, управляйте мной, как можно меньше», то среднестатистический новозеландец, воспитанный, кстати, на той же либеральной литературе, почему-то предпочел другой лозунг, прямо противоположный, - «пожалуйста, управляйте мной, как можно больше» [9, р. 331]. Эта проблема является одной из интереснейших и дискуссионных тем в историографии.

Объяснение этого факта исключительно переселенческим характером колоний, при котором местное население в расчет не принималось, и прибывавшим переселенцам приходилось все создавать с нуля, поэтому коллективизм естественно становился для них средством выживания, не является достаточным. Его нарушает история США. Учитывается ярко выраженный прагматизм правящих элит, способных экспериментировать в условиях отсутствия разветвленной бюрократии, влияния аристократии, острой партийно-политической борьбы и т.д. Подчеркивается особая аполитичность эмигрантов. Если первыми эмигрантами в Америку были люди, преследовавшиеся за религиозные взгляды, для которых главной ценностью была политическая свобода, то главными мотивами эмиграции в доминионы были экономические. Экономический прагматизм рядовых поселенцев поддерживал прагматизм руководства на государственном уровне.

Интересные и аргументированные интерпретации рождаются под воздействием социоестественной или экологической истории, размышляющей над влиянием на историю общества природных, климатических, географических факторов. С этой точки зрения положение доминионов сразу оказывается гораздо менее благоприятным, чем США, и настолько сложным, что одной частной инициативой их экономика поддерживаться не может.

В условиях отдаленности доминионов от метрополии, их огромных размеров, особенно «стран-континентов» Австралии и Канады, главной заботой государства становилось создание транспортной инфраструктуры - ключевого звена государственного сектора в Канаде. Учитывая жаркий, засушливый климат Австралии, помимо транспорта важнейшим элементом ее государственного сектора были ирригационные системы. В Новой Зеландии, в стране с благоприятным климатом, прекрасными природными условиями, главной проблемой которой была лишь удаленность от Европы, государственный активизм в меньшей степени был обусловлен географическими условиями, а в большей - сознательной, продуманной политикой правящих кругов, именно так понимающих свою миссию по обустройству страны, актом их политической воли.

Следствием этих, а возможно и других причин, и стало оформление и развитие сильного государства в британских доминионах. Сила государства, разумеется, определяется не мощью государственного принуждения, а эффективным государственным управлением в самых разнообразных сферах общественной жизни, созданием и совершенствованием необходимой институциональной инфраструктуры, правил игры. Государства доминионов были сильны выполнением социальных и экономических функций, обеспечением общественно-политической стабильности, эффективным развитием экономики, высокого уровня жизни. Отсутствие полноценного суверенитета, политический патронат Великобритании на первых порах не то, чтобы не мешали, но даже помогали осуществлению социально-экономических реформ. Доминионы не боялись долгов и всегда прибегали к помощи Колониального банка Англии. К тому же Великобритания, сохраняя лидерство в мировой системе, обеспечивала рынки сбыта для продукции сельского хозяйства и добывающих отраслей доминионов. Канада, Австралия, Новая Зеландия, став по сути экспериментальным порождением центра миросистемы, смогли в политических рамках Британской империи провести социально-экономический эксперимент по созданию эффективно работающего сильного государства. Заложенный в тот период реформистский курс государства определил магистральный путь развития вплоть до сегодняшнего дня.

Именно такое сильное государство обеспечивает успехи социально-экономического развития страны. К необходимости его построения призывает известный американский философ Ф. Фукуяма, считая это наиболее важной задачей мирового сообщества, так как «слабость и разрушение государств служит источником многих наиболее серьезных мировых проблем» [5, с. 5].

Список литературы

1. Голанский М. М. Что нас ждет в 2015 г.: экономический прогноз против утопий. М.: Наука, 2008. 115 с.
2. Кук Р. Граница и метрополия: опыт Канады: доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М.: Наука, 1970. 12 с.
3. Маевский В. Первый или пятый: записки журналиста. М.: Молодая гвардия, 1960. 176 с.
4. Тоффлер Э. На пороге будущего // «Американская модель»: с будущим в конфликте. М.: Прогресс, 1984. С. 30-43.
5. Фукуяма Ф. Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке / пер. с англ. М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2006. 220 с.
6. Hancock W. K. Australia. L.: Ernst Benn Limited, 1930. 326 p.
7. Hutchinson R. H. The "Socialism" of New Zealand. N.Y.: New Review Publishing Association, 1916. 134 p.
8. Innis H. A. Essays in Canadian Economic History / ed. by M. Q. Innis. Toronto, 1969. 418 p.
9. Irvine R. F. The Progress of New Zealand in the Century. L., 1902. 452 p.
10. Lower A. R. M. Colony to Nation: a History of Canada. Toronto: Longmans Canada Limited, 1964. 600 p.

STATE ROLE IN BRITISH DOMINIONS FORMATION: HISTORIOGRAPHIC ESTIMATIONS

Lyudmila Nikolaevna Semenova, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Political Science and Classical Disciplines
Institute of Parliamentarism and Entrepreneurship in Minsk
lunis17@mail.ru

State regulation and state property have played and continue to play an important role in Canada, Australia and New Zealand economy conditioning the high level of their social-economic development. The author analyzes some conceptions of well-known British, American, Canadian, Australian and New Zealand researchers which explain the formation of such a large state sector in British Empire dominions in the XIXth–XXth centuries.

Key words and phrases: dominion; resettlement colony; state regulation of economy; market self-regulation; state sector; private business activity; state activism.

УДК 1(091)

Статья раскрывает видение Н. А. Бердяевым характерных черт русской философской мысли. Русская философия предстает перед нами как философия религиозная, экзистенциальная, свободная, дуалистически-плюралистическая, творческая, персоналистическая и эсхатологическая. Творчество самого Бердяева вбирает в себя все основные черты русской философии и предстает перед нами как некая точка схода всего истинного и оригинального, что было в период развития русской философской мысли до середины XX века.

Ключевые слова и фразы: русская философия; русская идея; историософский характер; религиозность; эсхатологическая устремленность; свобода духа; соборность; православие; мессианское сознание; экзистенциальный тип философствования.

Елена Владимировна Сердюкова, к. филос. н.
Кафедра социальной философии
Южный федеральный университет
serd-elena@yandex.ru

ХАРАКТЕР РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ
МИРОЩУЩЕНИИ Н. А. БЕРДЯЕВА[©]

История русской философии как объект изучения становится весьма востребованной в конце XIX – первой половине XX в. Выходит целый ряд работ, посвященных исследованию развития философии в России: «Судьбы философии в России» А. И. Введенского, «Очерк истории русской философии» Э. Л. Радлова, «Очерки русской философии» Б. Яковенко, «Пути развития философии в России» М. Ершова, «Очерк развития русской философии» Г. Г. Шпета, «История русской философии» В. В. Зеньковского, «Русская идея» Н. А. Бердяева, «История русской философии» Н. О. Лосского, «Пути русского богословия» Г. В. Флоровского. Среди современных исследований истории русской философии прежде всего следует назвать работы М. Н. Громова, М. А. Маслина, В. В. Сербиненко, А. Ф. Замалева, А. Н. Ерыгина, Б. В. Емельянова, И. И. Евлампиева.

Проблемным вопросом для некоторых исследователей русской философии является вопрос о том, существует ли вообще русская философия. Г. Г. Шпет в «Очерке развития русской философии» осуществляет мощную самокритику русской культуры и отмечает, что в России философии как знания, как науки, пока не существует, есть только философствование. Русская философия только начала подходить к той стадии развития («предварительной истории», по выражению философа), «в течение которой философия становится в знание» [11, с. 218].